

для
ВЗРОСЛЫХ
ДЕВОЧЕК

Правила жизни

Елизавета
Минаева

Елизавета Олеговна Минаева
Сказки для взрослых
девочек. VOL. 2
Серия «Одобрено Рунетом»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69154393
Сказки для взрослых девочек. VOL. 2: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154324-2

Аннотация

«Сказки для взрослых девочек. VOL. 2» можно назвать продолжением первой книги лишь отчасти. В этот раз все истории посвящены разным проявлениям любви: к мужчине, к подруге, к жизни, к своему телу, к себе самой... В новой книге Елизавета Минаева решила поделиться с читателями тем, чему она научилась, и вместе посмеяться над ошибками, которые мы все время от времени совершаем. Это вклад в нашу реальность, которой так не хватает хэппи-энда.

Содержание

От автора	5
Действующие лица	9
«Княжны-гусеницы»	10
Картина первая	11
Картина вторая	15
Акт первый	21
Проблемы с доверием	24
Шесть сеансов	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

**Елизавета
Олеговна Минаева
Сказки для взрослых
девочек. VOL. 2**

*М.А., Ж.К., Е.С., С.К.,
И.З., А.М., В.М., Н.Г.,
О.Л., У.К., Е.М., А.К.,
А.Ц., С.Ш., А.А., Ю.О.*

*С благодарностью моему редактору, моему
мужу, моему психотерапевту*

*** * ***

© Е.О. Минаева, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

От автора

Я до одури люблю свою первую книгу. Наверное, то мгновение, когда я трясущимися руками вцепилась в сигнальный экземпляр, можно занести в не особенно длинный список самых счастливых моментов моей жизни. Встреча с мужем, диплом в университете, рождение наших чудесных детей, — думаю, дальше — книга.

Там всё так здорово совпало: я как раз ехала на запись аудиокниги мимо фундаментального комплекса «Москва-Сити», где находится офис моего издательства АСТ, и переписывалась со своим редактором. По счастливой случайности её тоже зовут Лиза. Почему-то мы обе ужасно волновались в ожидании сигнала. Это было двадцать первое декабря две тысячи двадцать первого года, красивая дата — 21-12-21. В половине пятого дня я нетерпеливо, примерно сотый раз за день, спрашивала, приехала ли книга, но хороших новостей у Лизы не было. Блестящий редактор, она успокаивала своего автора, разговаривая на отвлечённые темы, и я уже готова была покорно свернуть на Кутузовский в студию, грустно проводив взглядом окна издательства, планируя поспать в машине пару часов (нормальный, знаете ли, декабрь в Москве — время напряжённое), когда получила подряд два сообщения:

«Елизавета... только написала вам и...»

Во втором сообщении было короткое видео, где редактор держит в руках мою книгу. Сердце на несколько секунд остановилось, а затем забило как на кардиотренировке. Так быстро я ещё никогда не сворачивала с Третьего транспортного кольца.

Не помню, плакала ли я (ожидаемо было бы), целовала ли я обложку (скорее всего). Помню, что у меня тряслись руки, и появилась чудесная идея подписать первый экземпляр человеку, которому я благодарна за эту книгу больше всех на целом свете.

Себе самой.

«Сказки для взрослых девочек. VOL. 2» можно назвать продолжением первой истории лишь отчасти. С одной стороны, у неё тот же концепт, почти те же героини (там будет пара сюрпризов), тот же формат изложения, безусловно, тот же язык. Но с другой – я немного иначе подошла к самому процессу написания.

Если первая книга, как мне кажется, была небольшим салютом из эмоций и чувств и рассказывала читателю самые значимые небылицы из моей жизни и жизни моих подруг, то вторая – та, которую вы держите в руках, – наверное, чуть меньше про сюжет (по значимости для меня), чуть больше про мои мысли и наблюдения. Про то, что я узнала о жизни, про некоторые базовые ошибки, которые обязательно раз пять-десять допускала каждая из нас. Наверное, я чуть боль-

ше пускаюсь в длинные размышления и описания, которые мы все ненавидим со времён, когда впервые получили задание на лето прочитать «Войну и мир» (не переживайте, я не посвятила сто страниц дубу и аллюзиям, которые из него можно вычленить), но надеюсь, что делаю это стильно.

Эта книга полностью посвящена любви. К мужчине, к подруге, к жизни, к семье, к своему телу, к своей голове, к себе самой.

Мне нравится писать тексты, которые читаются легко. Которые можно примерить на себя и на свою подругу, и на ту девчонку, с которой вы учились в школе. Тексты, через которые не надо продираться, словно через лесные дебри, царапая плечи о куст терновника.

Я испытываю просто неописуемый восторг, когда девочки разного возраста делятся со мной своими эмоциями от книги. Кому-то вдалеке от самых близких она заменила встречу с любимыми девчонками, кто-то закупил целую пачку для подруг и подчеркнул ярким маркером для каждой моменты-уроки, а кто-то нашёл там себя, смеялся и плакал вместе с героинями. А ещё мальчишки (возраста от двадцати до пятидесяти) рассказывали, что тоже там что-то для себя вычитали. Кто-то из них даже сказал, что «Сказки...» – учебник по взрослым девочкам.

Невероятные чувства переполняют меня прямо сейчас, когда я сбивчиво пытаюсь вам рассказать что-то про эту новую книгу. Но с информацией в рубрике «От автора» будет

сложновато. Получились целиком мои эмоции, перемежающиеся с восторгом от того, что, блин, представляете, это моя вторая книга. Видимо, такой восторг я буду испытывать и от пятидесятой.

Знаю, что уже достала вас этой патокой, поэтому, – поехали!

Итак, жили-были...

Действующие лица

Василиса (29) – владелица pr-агентства, невеста.

Варвара (34) – глава рекламного отдела глянцевого журнала, замужем за Ильёй, сын-второклассник Добрыня.

Ольга (32) – консультант по вопросам репутации, кандидат наук, замужем второй раз за одним мужчиной – Виктором.

Марья (29) – дизайнер интерьеров.

Люба (30) – специалист digital-pr.

Айзель (31) – выпускающий редактор глянцевого издания, коллега Ольги.

Катерина (33) – финансовый аналитик.

Тамара (28) – кризисный менеджер.

Елизавета (35) – художница.

«Княжны-гусеницы»

«Княжны» – чат в Телеграме, в котором общаются семь самых близких лучших подруг. Когда-то он назывался так, без второго слова после дефиса, но вечное нытьё каждой героини по поводу несовершенств своего тела привело к тому, что кто-то иронично добавил в название слово «гусеницы».

Когда они подружились, долго хохотали, что всех их зовут как каких-то дворянок и героинь сказок. Не вписывалась одна лишь Люба. Фейсконтроль она прошла, только признавшись, что в паспорте именуется Любовой, хотя сама это имя искренне ненавидела.

За год с их последнего девичника многое поменялось в жизнях подруг. Кто-то из них отдалился, как это неизбежно происходит в жизни взрослых девочек, кто-то, наоборот, вернулся из длительной командировки. Неизменным оставалось лишь желание делиться сокровенным со своими самыми близкими людьми.

Картина первая

«Чат без Василисы»

Айзель. «Девочки, надо всех добавить, с кем она дружит, но кого нет в общем чате».

Варвара. «Я могу только Лизу, сейчас напишу ей».

Варвара *добавляет Елизавету.*

Елизавета. «Всем привет, девочки!»

Ольга *добавляет Тамару и Катерину.*

Люба. «Теперь вроде все в сборе?»

Марья. «А Алёнушку и Анну не будем сюда звать?»

Варвара. «Нет, Анну муж не отпустит точно, Алёнушка в Таиланде на зимовке».

Ольга. «Да, правильно, это чат только для тех, кто присутствует».

Тамара. «Я поверить не могу, что это всё происходит на самом деле».

Катерина. «А какой вообще план?»

Айзель. «Я уже отпросила Васю у Василия, он с нами в деле, устроим сюрприз. В субботу они идут в Savva в отеле „Метрополь“, а мы её похищаем».

Марья. «И что дальше?»

Варвара. «По старой схеме, только надо какое-то оформление придумать праздничное».

Катерина. «А можно для тех, кто отсутствовал два года, рассказать про старую схему?»

Марья. «В дурака будем играть».

Тамара. «На раздевание?»

Люба. «Дайте, я расскажу нормально».

Люба. «Короче, мы в прошлом году нашей компанией уехали на три дня в отель и устроили такой импровизированный девичник. Культурно выпивали, Айзель тверкала».

Айзель. «Начинается, ещё видео скинь».

Люба. «Организовывала всё Вася, поэтому не обошлось и без сюрприза. Мы играли в карты, в дурака, а проигравшие рассказывали сокровенные истории из своей жизни».

Ольга. «Те, кто плохо играл, рассказывали больше одной истории, ха-ха».

Марья. «Не вижу ничего смешного».

Варвара. «Зато тебя от твоего мудака мощно так отпустило».

Марья. «Тоже верно».

Люба. «Я предлагаю в этот раз строго определить рамки темы – истории только о любви!»

Ольга. «Идея хорошая, но тебе просто есть о чём рассказать».

Айзель. «Да тут всем есть, мне кажется».

Тамара. «Звучит прикольно. Вася как всегда выдумщица».

Люба. «Давайте немного обсудим организационные мо-

менты. У меня была идея сделать дизайн игральных карт и напечатать их, чтобы была наша собственная колода, как вам?»

Елизавета. «Легко нарисую картинки, но со всякими техническими штуками не справлюсь. Да и не знаю, где печатать».

Марья. «Лиз, я как раз не умею рисовать, но специализируюсь на технической части».

Елизавета. «Тогда договорились».

Варвара. «Я тоже хочу такую колоду себе, чтобы она напоминала о наших вечерах!»

Марья. «Мне кажется, надо на всех сделать. Милый сувенир с девичника».

Люба. «Отлично, с этим разобрались. Алкоголь?»

Варвара. «Как всегда, работают профессионалы».

Марья. «А как-то номер будем оформлять особенным образом?»

Ольга. «Шарики и цветы?»

Марья. «Только не шарики, умоляю».

Люба. «Может, сделаем что-то в духе классической русской свадьбы?»

Тамара. «У меня травма, не поступайте так со мной».

Айзель. «А что случилось?»

Ольга. «Стоп, никаких историй сейчас!»

Варвара. «Вот правда, так не хочется этих пошлостей, мы с вами интеллигентные, стильные женщины».

Тамара. «Ну хоть стриптизёра?»

Марья. «Мы подумаем».

Люба. «Я против любых мужиков. Это наш девичник, мы так редко собираемся вместе».

Катерина. «Полностью согласна».

Люба. «На ком отель?»

Варвара. «Да я всё сделала уже ж».

Айзель. «Кто бы сомневался, мадам ле босс».

Люба. «Короче, остались – карты, алкоголь, цветы?»

Ольга. «Нам нужны новые пижамы!»

Марья. «Пижамы точно я сделаю».

Картина вторая «Гостиничный номер»

Оформление «Посольского люкса» Марья взяла на себя. Как дизайнер интерьеров она приходила в ужас от мысли о том, что ей придётся провести сутки в помещении с пошлыми воздушными шарами или атрибутами классической рус-

ской свадьбы. Девушка выбрала в качестве декора несколько стильных букетов невесты – разных по составу цветов, но в одной цветовой гамме. На столиках, тумбах и комодах она расставила рамки с фотографиями милых и забавных моментов из жизни подруг. Под мероприятие подходили и изящные бокалы, которые она тоже привезла с собой. На журнальном столике разместились небольшие картонные пакеты с новыми именными пижамами и кастомными колодами карт. Оглядев номер, Марья довольно улыбнулась, села на просторный диван и включила в небольшой стильной колонке заранее составленный плейлист. В дверь постучали. На пороге ждали Ольга и Тамара.

Ольга. Ой, как ты мило всё оформила!

Марья. Спасибо, дорогая моя, я очень старалась.

Тамара (*хмуро*). Вот я так и знала, что получится классический дизайн из американского ромкома.

Марья (*обиженно*). А что с ним не так?

Тамара. Ты просто не знаешь, через что я прошла этим летом.

Ольга. Да подожди, не рассказывай.

Марья. Хоть в общих чертах?

Тамара. Если коротко, я была на самой ужасной свадьбе, которую можно себе только представить, такой стерильной, мерзкой, как тебе объяснить. Ты же дизайнер, так?

Марья. Ну да.

Тамара. Представь себе интерьер Версаля, как его видели люди из девяностых.

Марья. Это ужасно.

Тамара. Вот-вот. Поэтому (*хитро улыбается*) я позволила себе немного покреативить.

Марья (*со вдохом*). Ну что ты там заготовила?

Тамара (*раскрывая дорожную сумку*). У меня, считай, с собой сладкий стол – вазы с алкозельцером, презервативами и леденцами в форме пенисов.

Ольга. Ого, какие стильные! Чёрные.

Марья (*испытывая лёгкое облегчение*). Ладно, с этим можно работать. Напомни, как вы с Васей познакомились?

Тамара. Мы поспорили, кто из нас уедет с барменом лет семь назад.

Ольга. Очень в стиле Васи.

Марья. И кто победил?

Тамара. Накачанный парень за соседним столом.

Раздаётся стук в дверь. Те же, Варвара, Елизавета и Айзель.

Варвара. Дамы, приветствую. Все в сборе?

Марья. Ждём Катерину и Любу.

Айзель. Ой, какая прелесть. Никогда бы не ожидала от тебя вазы с чёрными леденцами-пенисами!

Марья (*пожимая плечами*). И правильно делала. Это не

мой креатив.

Тамара. Я же говорила, что будет круто.

Айзель. А ты классная, почему тебя в чате нет?

Тамара. Боюсь, Вася меня стесняется.

Варвара. Вася стесняется? Невозможно. Оксюморон.

Ольга. Обожаю эту песню!

Елизавета. Обожаю Two Feet, кто составлял плейлист?

Марья (*косясь на Тамару обиженно*). Вот это – целиком моя работа.

Айзель. Там в чате Катерина пишет, что не может найти номер... А нет, ложная тревога, её как раз Люба подберёт у лифтов.

Ольга. Пойду, открою тогда.

Те же, Люба и Катерина.

Варвара (*бросаясь на шею Катерине*). Как же давно я тебя не видела, дорогая, ты такая американская!

Катерина. Ой нет, всё, с Америкой я завязала.

Варвара. В смысле? А что Стив?

Ольга. А я в очередной раз напоминаю, что мы не рассказываем истории.

Катерина. Суровые правила у вас тут в бабьем царстве.

Айзель. Кэт, ну правда, неинтересно потом будет. Да и Вася тоже захочет послушать.

Люба. Так, вы тут готовьтесь, я побегу за Васей. Время.

Тамара. А мы будем выключать свет и кричать «Сюрприз-и-и-и-из»?

Катерина. Да, да, давайте!

Марья (*в сторону*). Только не это.

Люба уходит.

Айзель. Так, все бросили шмотки в кабинете?

Тамара. Мы рассядемся на диване и креслах или спрячемся в другую комнату?

Марья. Давайте просто сядем, пожалуйста?

Катерина. Да, сядем и выключим свет!

Елизавета. Я что-то волнуюсь даже.

Ольга. Да ладно, весело.

Катерина. А какой там план вообще?

Марья. Так Люба написала.

Айзель. «Птенец в гнезде»?

Марья. Почему нельзя просто без кодов?

Варвара. Потому что вы птичий двор. (*Подходит к выключателю.*) Все расселись?

Айзель. Подожди!

Варвара. Всё, я тушу свет.

Раздаётся писк ключ-карты, те же, Люба и Василиса. Варвара щёлкает.

Все. Сюрпри-и-и-и-из!

Василиса. Девочки! Ну вы даёте!

Айзель. Не ожидала?

Василиса. Что вы можете что-то организовать без меня?

Вообще никак!

Ольга. Сучка.

Василиса. Я в шоке от того, как круто вы тут всё устроили, на оформлении Марья, конечно? О, пенисы!

Тамара. Знала, что ты оценишь!

Марья (*в сторону*). Конечно же ты знала.

Василиса. Так, подождите, а у меня ж мужик в ресторане.

Ольга. Отпросили, он в нашей ОПГ.

Василиса. А у меня ничего даже нет с собой.

Айзель. Во-первых, у нас всё есть для классического девичника в стиле «княжон-гусениц».

Марья (*указывая на пакеты*). Во-вторых, даже есть во что переодеться.

Василиса. Вот вы! Лучшие девочки в мире! А карты?

Елизавета. Ты удивишься.

Варвара. Всё! Переодеваемся, я открываю шампанское.

Все уходят.

Акт первый

Довольные, переодетые в новые именные шёлковые пижамы, девушки разбирают свои бокалы с шампанским и занимают места в гостиной, разбиваясь на маленькие группы. Люба дожидается, когда все рассядутся, и начинает «модерацию» вечера.

Люба (*поднимая бокал*). Наша дорогая, любимая невеста, мы рады тебя приветствовать в этом статусе!

Все. Ура! Невеста!

Тамара. Я не могу в это поверить всё ещё.

Василиса. Я с трудом сама верю, но меня тут развели как лохушку.

Ольга. Извините, что вынуждена как попугай повторять одну и тут же фразу, но никаких историй вне игры не рассказываем!

Василиса. Даже мне нельзя?

Айзель. До тебя дойдёт очередь.

Варвара. Мы модернизировали правила по просьбе некоторых.

Марья (*оправдываясь*). Ну, так правда лучше стало.

Василиса. Что вы там выдумали?

Ольга. Так как у нас сегодня особенный вечер, мы рассказываем истории только о любви.

Тамара. Типа лав-сториз.

Варвара (*со смехом*). Ну уж нет. Моя лавстори началась сто лет назад, я не готова так далеко в дебри уходить.

Ольга. О любви любого типа. Не знаю, насколько это облегчит вам задание, конечно. Но я кое-что подготовила.

Марья. И для тех, кто играет так же плохо, как я – рассказчик не повторяется. Проиграла второй раз – переигрываем.

Айзель. Я тоже за это правило, а то в прошлый раз пришлось, блин, до конца второго вечера ждать, пока вам надоедят карты.

Катерина. Я наслышана, что теперь тебе по идее в картах должно меньше везти?

Айзель. Не думаю, что это вопрос везения. Просто я дьявольски играю, показать тебе шедевральный покерфейс?

Варвара (*со смехом*). Вот сейчас и проверим.

Люба. Дамы, прогревочный круг.

Тамара. Ого, цитаты из автоспорта!

Марья. Мы тут все высокоэрудированные и любознательные.

Тамара. Хочу к вам в чат!

Василиса. Сейчас добавлю!

Катерина. И меня!

Ольга. Да раздавайте уже.

Люба сдаёт карты. Девушки вспоминают правила игры в

дурака.

Катерина. Блин, я себя ощущаю идиоткой.

Елизавета. Я вообще забыла, что он бывает подкидной и переводной. Может как-то с обычным разберёмся?

Василиса. Нет-нет, ни в коем случае. Так игра азартнее становится. И длится дольше.

Марья. Да не переживайте вообще, я не так давно вместе со всеми играла, но всё равно чувствую себя дебилом.

Варвара. Вась, а ты дизайн карт-то оценила?

Василиса. Ну а что мне ценить, это моя любимая художница.

Елизавета. Знаешь как приятно?

Марья. Ой, кстати, Лиз, я же хотела...

Ольга (строго). О работе точно не сегодня.

Люба. Призываю вас к тишине. Начинается таинство дурака.

Айзель. Ха-ха! Это я через день!

Тамара. Тс-с-с, священное действо.

Все смеются, Люба сдаёт карты. Ожидаемо первой проигрывает Марья.

Марья. Ну вот видите, я же говорила. Ладно, хоть первой отстреляюсь.

Варвара. Давай-давай. Только не упускай никаких деталей, пожалуйста.

Тамара. А там что-то интересное есть?

Варвара. Я глубоко в теме, поэтому знаю самые постыдные подробности.

Марья. Ой всё. Хочешь, чтобы я снова пережила это невероятное, малознакомое мне самоощущение?

Василиса. Рассказывай уже!

Марья. Короче, всё началось в июне...

Проблемы с доверием

Я робот – и ты мой механик.

Скриптонит. 100 поцелуев

Телефон настойчиво трезвонил. Кто и зачем всё ещё звонил в 2022 году? Это было прикольно в 1999 году, когда Марье было двенадцать. Мама с папой задерживались на работе, значения катета и гипотенузы были найдены, а им с лучшей подругой Юлькой необходимо было срочно созвониться, чтобы пройти тест в свежем номере журнала Cosmopolitan. Стоит ли говорить, что тест был в духе «Как охарактеризовать ваши отношения», половина вопросов – про секс, а Марья и Юлька не то что слабо себе представляли, что такое отношения, но и знали о слове «секс» исключительно из баек одноклассников. Например, у Петьки был старший брат, который донёс до младшего страшную тайну.

Оказывается, «секс» заключался в том, что мальчик писал на девочку. Марья и Юлька поклялись друг другу, что никогда и ни при каких обстоятельствах не будут заниматься этой мерзкой грязью. Мальчиков они остерегались несколько месяцев, чтобы те случайно на них не помочились. И это бы длилось дольше, если бы одна из их подружек случайно не нашла у родителей VHS с порнографией.

Было вот как. Родители Танечки решили, что девочка уже выросла из своих детских сказок, поэтому хитроумно спрятали в коробку от «Красной Шапочки» кассету с чуть более продвинутой версией кино. Танечка, ничего не подозревая, выучив все столицы европейских стран, решила вознаградить себя за академические успехи просмотром любимого детского фильма. И там-то её ждал сюрприз. На телеэкране присутствовали и дровосеки, и злой-страшный серый волк, и даже бабушка. Разнузданного вида полуголая девица в красном головном уборе действительно выполняла логистические манипуляции с корзинкой пирожков, однако у волка, который по законам жанра внезапно выпрыгнул из кустов, совершенно не было планов «шапочку» съесть. Ну и он особо не был похож на волка, если честно.

Как приличная девочка, Танечка сделала то, что сделал бы каждый воспитанный подросток в период полового созревания, — она обзвонила всех одноклассников из своего района и пригласила их в только что сформированный киноклуб.

Важная пометка: чипсы и колу нужно было принести с собой. Так восемь пар глаз увлечённо наблюдали за развитием мизансцены с участием героев сказки. Из квартиры Танечки одноклассники вышли взрослыми, шокированными и познавшими страшную тайну.

Вот в то время телефонные переговоры считались нормальными. А во времена, когда появились первые мобильные, – так вообще чем-то для избранных. Марье классе в седьмом родители купили мобильный телефон Alcatel A35, чтобы ребёнок всегда был на связи. Надо ли говорить, что использовался он совсем не по назначению. Это сегодня у каждого полуторного землекопа в школе есть айфон. В нулевые кнопочный мобильник был признаком статуса и элитарности владельца. Да, этот кирпич ничего не мог, кроме звонков и редких эсэмэс, но даже поддержать настоящий мобильный в руках считалось чем-то особенным.

Сегодня Марья уже всё знала про секс и многое про отношения, а о её статусе говорил совсем не телефон. Поболтать она вынуждена была с особо занудным клиентом или мамой. Остальные контакты вполне могли написать. Но айфон продолжал разрываться. Коллега Валентина из дизайн-бюро перебрала, очевидно, апероля и поставила перед собой задачу вытащить Марью на какую-то убогую вечеринку. Марье не нужен был расклад карт таро, чтобы понять, что именно происходит, поэтому на звонки она не отвечала. Думала, что

завтра соврёт, мол, спать уже легла, телефон на кухне оставила, была на чумовом свидании. Хотя свидания в жизни Марья закончились года так полтора назад.

Достаточно закрытая девушка, которая не любила пускать в свою жизнь новых людей, она не смогла оправиться после измены и вранья любимого человека. Отношения с бывшим бойфрендом Димой она закончила грациозно и без особой драмы (в сам момент расставания драма была, конечно, но краткосрочная и кульминационная, – такой человек). Искать нового повода для обид и предательств Марья решительно не хотела. Хотела она спокойствия, продуктивной работы и достижений, а вот авантюры, случайные связи и унылые тусовки в её рацион не входили.

После пятого звонка Валентина, очевидно, поняла, что проиграла битву, но как опытный и достаточно занудный полководец решила, что к капитуляции в войне не готова. Она прислала войс. И трудно понять, что было у Марьи в раздражителях на первом месте: звонки или голосовые. Вздохнув, девушка всё-таки решила прослушать сообщение. Однако вопреки её ожиданиям коллега звала её не как обычно в бар, а на небольшой аукцион-выставку современного искусства, где представлял свои работы художник, с которым Марья очень хотела познакомиться. Взвесив все плюсы и минусы, она натянула первое попавшееся чёрное платье, которое было приемлемо для полусветского выхода, и вызвала такси. Уже на месте оказалось, что Валентина что-то перепутала, а

самого того вождественного художника на выставке не оказалось. Уезжать сразу было бы глупо, поэтому девушка решила прогуляться по залам, не особо надеясь, что что-то привлечёт её внимание. И нечто стоящее всё-таки нашлось среди вороха пошлого мусора.

Марья разглядывала фотографию, которая больше походила на картину. Краски от светового взрыва лежали на ней, как на полотне импрессионистов. Фотограф сделал кадр на длинной выдержке, заставив огни ночного города плясать в замысловатом вальсе. Марья совершенно не могла оторваться от пейзажа с небоскрёбами, она то подходила ближе, то отдалялась, а пиксели интересно играли с глазом – то размывались в разноцветное месиво, то становились чёткими и прямыми лучиками, пронизывающими банальный сюжет, делая его уникальным.

– А-а-а, дорогая, ты нашла бриллиант этой выставки, я смотрю! – Валентина была очень громкой, на её весёлый возглас обернулось несколько человек. К сожалению, не все они были профессионалами, многие посетители искали «подсказки» на что посмотреть, к чему прицениться, поэтому теперь десяток людей в костюмах и дам в чрезмерно нарядных платьях с бокалами игристого подтягивались к выбору Марьи как стервятники.

– Это очень красивая работа, – сдержанно прокомментировала Марья. Ей хотелось завладеть фотографией, но и не привлечь других соискателей, готовых предложить фотогра-

фу гораздо более высокий гонорар.

– Милая, я же тебе говорила, эта выставка просто бомба! – Валентина, перебравшая игристого, звонко хохотала, заставить её замолчать не представлялось возможным, но к счастью она заметила каких-то более интересных знакомых.

– А что вам понравилось в этой фотографии? – поинтересовался высокий и очень худой кудрявый молодой человек в футболке и кедах.

«Айтишник подглядывает, чем украсить стены своего лофта. Как же задолбали эти лофты», – коротко и недовольно Марья составила мнение о непрошеном знакомом.

– В целом, кадр интересный, мне нравится игра света с огоньками, однако линии слишком прямые и чёткие, как будто нарисованные по линейке, мне бы хотелось в подобной композиции видеть больше небрежности. А вот за чёткими контурами я бы рекомендовала вам зайти в следующий зал. Там есть очень красивые глянцевые фотографии машин и мотоциклов, – Марья оглядела незнакомца с прищуром, словно подбирала фотографию лично для него, а не пыталась отпугнуть нежелательного конкурента, – вам же надо что-то шикарное на красный кирпич? Вот во втором зале найдутся идеальные для вас варианты!

Молодой человек засмеялся. Вопреки ожиданиям Марьи он не выглядел впечатлённым её проницательностью, а почему-то продолжал диалог.

– А вы искусствовед, должно быть?

– Нет, я дизайнер интерьеров, – «неужели я ошиблась?» – а вы для какого помещения ищете картину?

Кудрявый снова хихикнул.

– Вы знаете, я не могу сказать, что к чему-то приглядываюсь. А вот эту вы бы в каком интерьере хотели видеть? – к неудовольствию Марьи, он продолжал настаивать на её новой любимой фотографии.

Марья мысленно хмыкнула. Это всё начинало выглядеть как бесплатная консультация, что совершенно не входило в её планы. Она решила ответить так, чтобы это совсем не помогло дерзкому аййтишнику.

– Нужна очень большая стена. Не в квартире, в доме, гигантская пустая тёмно-серая стена. Чтобы больше ничего там не висело. Вся остальная комната пусть будет белой, минимализм, очень геометричная, тёмная мебель, – Марья незаметно для себя ушла в работу, но вовремя спохватилась. – Жаль, линии слишком чёткие, боюсь именно эта работа никуда не годится, – она посмотрела на кудрявого с надеждой: сработал ли её план?

– Думаю, я могу поискать в серии чуть менее прямые линии, если именно они вас так раздражают, – он говорил мягко, но в голосе слышалось какое-то торжество.

– Не поняла, – Марья на секунду отупела.

– Ну, это моя работа, – кудрявый снова смеялся, – вот тут, смотрите, моё имя написано, – он указал на табличку под фотографией, – и ещё парочка на этой стене тоже мои, но эта

любимая. Хотя, наверное, я её переоцениваю, судя по вашему отзыву.

Марья вгляделась в табличку, та гласила: Александр Романов. Она глупо посмотрела на кудрявого, на стену, прокляла себя за идиотизм и просто спросила:

– Александр?

– Может, тоже представитесь?

Он вообще закончит ржать?

– А я Марья, – на секунду она зависла, но вовремя начала тараторить, – вы только не подумайте, мне очень нравится ваша фотография, правда, я так сказала – про линии, потому что подумала, что вы просто к ней прицениваетесь, а я очень надеялась отпугнуть от неё зевак, которые ни черта не понимают в искусстве, а просто ищут себе, чем стенку украсить, она невероятная просто, но я не хотела слишком дорого её покупать, понимаете? – она смотрела на Александра с надеждой.

– То есть вы бы не хотели, чтобы я побольше заработал? – он улыбался во весь рот, сверкая зелёными глазами из-под очков. Очевидно, фотограф Романов в этот момент ощущал свою безоговорочную победу над Марьей.

– Вы меня неправильно поняли, – смущению и неловкости в этой фразе не было предела.

– Да не переживайте, Марья, – он продолжал улыбаться и как-то тепло коснулся её плеча, – я всего лишь шучу. Но у меня для вас есть плохие новости: все работы с этой выстав-

ки уже проданы.

– Чёрт, – вырвалось у Марьи.

– Хорошая новость в том, что у меня есть и другие фотографии в этом стиле, возможно, они тоже вам понравятся. Что скажете?

– Я бы взглянула, – и она тихонечко добавила, – вы очень талантливый.

Романов снова улыбнулся.

– Давайте свой телефон, я забуду номер, – он взял мобильный из её рук, вбил цифры, а затем нажал на кнопку вызова.

ва, – и теперь у меня тоже есть ваш контакт, на случай если вы передумаете. Хорошего вам вечера.

Александр снова дружески коснулся её плеча и ушёл в противоположном направлении. Марья же осталась стоять около вспышки света на его фотографии в лёгкой растерянности. Она испытывала одновременно несколько чувств: превалировало какое-то ощущение собственной глупости. Марья всегда старалась руководить любой ситуацией, в которой оказывалась, не допускала неожиданных знакомств, не позволяла себе выглядеть глупо.

Очевидно, у неё были проблемы с контролем, которым она уже посвятила десятки часов с психотерапевтом. На данном этапе её жизни самым простым и логичным решением проблемы казалось – просто избегать неудобных ситуаций, закрываться от людей и не знакомиться ни с кем.

Фотограф Романов просто выбил её из колеи. Уже по пути домой она проматывала в голове их короткий диалог. Вспомнила, с каким отвратительным снобским презрением отнеслась к нему в первый момент. От этого она жмурилась и одновременно закрывала закрытые глаза, поджимая губы. Думала, как ловко он её обыграл, от этой мысли её губы расплывались в смущённой улыбке, а через нос вырывался какой-то странный смешок. И вот эта тактильность ещё. Что за человек такой? Почему надо сразу трогать всё подряд? Ему мама в детстве не говорила, что не стоит прикасаться, например, к каждому яблоку в магазине? Она думала об этом, опу-

стив глаза и закусив нижнюю губу в приторной улыбке. Надо ли говорить, что живой мужчина целенаправленно прикоснулся к Марье впервые за полтора года?

Она неспешно топала по бульварам от Остоженки до своей квартиры на Чистопрудном. Июньский вечер добавлял сумеречному городу колорита: девчонки в летних сарафанах со звонким хохотом вылезали из такси по пять особей за раз; владельцы спортивных автомобилей устраивали нелепые гонки в городе, где на каждом шагу светофоры, отчего выглядели ужасно смешно и забавно; отовсюду звучали хиты этого лета типа песни Гарри Стайлза As It Was, а под такую музыку и думать хочется только о чём-то хорошем. Летняя Москва поздним вечером, наверное, – один из лучших городов в мире. На её улицах ощущается какое-то приятное предвкушение, бабочки в животе, как будто вот сейчас случится что-то удивительное и захватывающее. Даже когда просто идёшь по улице, не собираясь заглядывать в бар, когда не ищешь свою любовь на каждом шагу, не испытываешь надежды ввязаться в приятное приключение, за каждым поворотом ты готов встретить счастье. Такое настроение, когда хочется всё время улыбаться. Странно, что днём в Москве все хмурые, жалуются то на жару, то на дождь, то на прохладу. Погода всё не научится угодать прихотливым москвичам. Но когда жара спадает, а лужи подсыхают, город начинает улыбаться. Возможно, просто хмурые уходят спать, а

беззаботные ночные бездельники выползают из берлог, чтобы позавтракать часов так в девять вечера.

Так как Марью в этот вечер занимал лишь инцидент на выставке, она решила аккуратно поузнавать у подруг, не слышал ли кто про такого Александра Романова.

Чат «Княжны-гусеницы»

Айзель. «Ооо, Романов мой краш».

Василиса. «Редкий мудак!».

Варвара. «Я с Айзель в team Romanov».

Марья. «Вась, а почему мудак?».

Василиса. «Мне надо было ивент снимать, а он такой прайс загнул, что я на него могла пять фотографов нанять».

Варвара. «Он нам фоткал обложки три, наверное, и ещё пару коммерческих съёмок, всё было отлично, не знаю, почему ты так...».

Василиса. «У вас в издательском доме и бюджеты другие, не надо сравнивать».

Анна. «Чё за мужик? Симпатичный?».

Люба. «Романов моему прошлому клиенту фоткал такую историю, что они спустя полгода её в Инстаграме¹ до сих пор постят, лол».

¹ Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Варвара. «Это потому что ты от них ушла, а больше им никто ничего дельного не придумал».

Айзель. «Ань, лови: (ссылка на Инстаграм)».

Алёнушка. «Ой, какой милый мальчик».

Люба. «Варвара, люблю».

Ольга. «Полмиллиона подписчиков? Он чё, жопу в Инстаграм выкладывает и подписывает умными мыслями?».

Варвара. «Он вообще-то для всего глянца истории снимает».

Василиса. «Марья, а тебе зачем?».

Марья ответить не могла. Она присела на скамейке на Тверском бульваре и рассматривала Инстаграм фотографа. Высокохудожественные снимки перемежались модными обложками, редко появлялись селфи его светящегося улыбочивого лица. Помимо картинок Александр рассказывал истории в подписях. Она читала, смеялась и даже узнавала что-то удивительно новое. И это лицо...

Есть лица, которые словно сделаны из одного цельного куска стали. Они могут быть даже с красивыми чертами лица, в них может читаться «порода», интеллект, но от них всё равно хочется побыстрее отвернуться. От таких холодно, хочется поёжиться и укрыться. Закутаться в одеяло, да и вообще поскорее забыть. А бывают лица под наливку, самовар и бублики, такие как у «Купчихи» Кустодиева. Такие лица душевные, компанейские и смешливые, они украсят лю-

бой праздник, похороны или бар-мицву. Есть лица хитрые, тоже, кстати, смешливые. У них обязательно паутинка морщинок-смешинок по бокам от глаз, а черты все острые. Владельцы таких физиономий так красиво тебя обведут вокруг пальца, что ты даже особенно не расстроишься, а будешь с интересом гадать, где именно был фокус. Некоторые морды бывают просто глупыми. Их кто-то сочтёт красивыми даже, но предательски выдают пустые, словно выжженные, глаза. А есть – наоборот, умные, интеллектуальные, с глубокими-глубокими глазами, внутри которых как будто можно вселенную разглядеть, смотришь в такое лицо – и хочется срочно что-то почитать. Чтобы не чувствовать себя совсем уж идиотом.

Лицо Романова было как морской пейзаж при ясном небе со всеми его атрибутами. Кудрявые волосы напоминали куцевые облака, зелёные глаза блестели так, словно школьница перед дискотеккой переборщила с глиттером, а ещё у него постоянно присутствовала улыбка во все зубы, наверное, она тут и была солнцем, а глаза тогда – морем, сверкающим и бездонным. В этом лице была какая-то бесконечная доброта. И ещё тепло, совершенно точно тепло.

Марья. «Видела его фотографии сегодня на выставке, хочу купить что-то для клиента».

Айзель. «Обязательно познакомься с ним, он такой милый!».

Марья. «Я познакомилась».

Она отключила чат и снова усмехнулась. Как же так, великий дизайнер Марья Максимова знала всех молодых талантливых художников и фотографов города, она ездила к ним в студии, больше напоминавшие нелегальные постройки и самозахваченные чердаки. По необходимости могла выпить с авторами водки, филигранно разбиралась в мифах Древней Греции и радостно вворачивала в беседу, какие художники написали шедевры по каждому. Всё это – чтобы раскопать одну уникальную работу, которая бы подходила конкретно интерьеру. А вот про Александра Романова она сегодня слышала впервые. И кажется, была такой одна во всём городе.

Марья думала, как удивительно: одна мимолётная встреча так ярко преобразила всю её действительность. Казалось, что вечер до выставки был когда-то давно, – неделю назад? Нечто в её состоянии кардинально изменилось, это была как будто неуловимая, но очень важная деталь. Марья не могла объяснить, что именно стало катализатором, да особо и не стремилась разобраться в этом состоянии, она просто брела домой и улыбалась. Единственное, что было ясно наверняка, – фотограф Романов произвёл на неё огромное впечатление. Так что и дома она улыбалась, даже когда засыпала.

Следующее утро Марьи началось как всегда: в семь утра подъём, водные процедуры, затем – сытный завтрак, а после

– спортзал. Её расписание требовало плотного и постоянно-го графика. Тренировки заряжали на весь день, она назначала их на утро, чтобы никто не отвлекал, – и ещё чтобы они с тренером были в зале почти наедине. Силовые тренировки занимали своё место в меню три раза в неделю, ещё три кардио, по субботам Марья плавала километр в бассейне. От фотографа Романова не было сообщений. С другой стороны – а с чего бы они были? Они примерно восемь минут поболтали. Что за мысль вообще идиотская. Откуда только берутся такие. Марья усмехалась своему абсурду, завязывая шнурки на кроссовках.

– А-а-а-абнял-поднял, – приветствовал Марью её тренер Армен.

– Я в форме, детка, – она напоказ продемонстрировала небольшие бицепсы.

– Кто у меня тут самая красивая, подтянутая богиня? – продолжал мотивацию Армен.

– Да это ж про меня речь!

Возможно, Армен был единственным человеком, с которым Марья позволяла себе какой-то странный фривольный диалог, она сама находила его ужасающе дурацким, но почему-то веселилась от души в процессе. Армен подготовил ей сюрприз в виде «дня рук». Между третьим и четвёртым подходом с гантелями по пятнадцать килограммов Армен задал мучивший его вопрос:

– Марья, ты потрахалась что ли?

– Ты охренел?

– Ну чё ты сразу так реагируешь, я же вижу, что ты другая сегодня.

– Так. В чём я другая? Отвечай быстро, пока я не воспользовалась гантелями, чтобы дать тебе по голове!

– Да не знаю, по тебе видно, что ты какая-то... – Марья подняла бровь, зажмурила один глаз и сделала вид, что целится в голову Армена, – ну как типа бодрая.

– Не трахалась я, доволен?

– Вообще недоволен!

– Тебе-то что?

Армен посмотрел по сторонам, прокашлялся и тихим голосом промолвил истину.

– Короче. Есть такие бабы, я называю их «хочухи».

– Как, бл*ть?

– «Хочухи»! Типа им «хочется», ну, ты понимаешь? – Армен доверительно подмигнул.

– Типа у меня на лице написано, что я «хочуха»?

– Да нет, у тебя иначе.

– Можно сразу всю классификацию выдать?

– Короче, ты типа «айсберг».

– Это ещё что означает?

– Гантельки отложи, пятьдесят подходов на пресс сейчас, поехали, один-два-три...

– Да рассказывай уже.

– Айсберг он типа какой? Холодный, неприступный, рас-

хреначит тебя легко и с секретом.

– Так, и что?

– Ну то, что ты такая не даёшь-не даёшь, а потом такое замутишь, что и потонуть можно.

Марья заржала вслух.

– Ну, может и так, а тебе-то что?

– А я забочусь о наших тренировках. Сытая женщина – заряженная женщина.

– Я позавтракала плотно, фотку сделала, показать?

Армен хитро улыбнулся.

– А я не про еду.

– Напомни, почему я с тобой тренируюсь, пошляк?!

– Потому что я типа лучше всех?

– Это да, но я что, правда, обязана терпеть эти мерзкие диалоги?

– Маш, мы пять лет занимаемся. Давай эту фигню отключи, что там у тебя?

– У меня НИЧЕГО.

– Я же вижу!

– Ты должен на мою мускулатуру смотреть, а я расплываюсь жирами!

– По телу ты шедевр, по мозгам – ну-у-у...

– Ах ты сука! – Марья в шутку набросилась на тренера с кулаками.

– Бокс, бокс!

Пару минут они картинно боролись (после разрыва отно-

шений с Димой она часто ходила на бокс...), потом упали без сил на пол (Марья), и диалог продолжился.

– Армен, мне словно восемь лет, я вчера познакомилась с мальчиком, и он мне нравится!

– Хвала небесам, я думал ты фригидная!

– Какой же ты мудак, Армен.

– Мудак не я, а твой бывший Дима. Вот уж король мудаков.

– Не напоминай, пожалуйста.

– Марья. Твой Дима – пример для каждой женщины. Увидела – беги.

– Да, но раскрой тему?

– Марья, я тебя очень люблю. Не в каком-то там смысле, прости, у меня семья...

– Дебил, я приятельствую с твоей женой.

– Но тебе бы себя иногда отпускать...

– Типа набухаться неизвестно где и переспать с первым встречным?

– Ну, алкоголь вредит тренировкам! А переспать – идея полезная.

– Слушай, я так не могу. Простой бездушный секс не принёс бы мне удовольствия.

– Что за «бы»?

– Всегда спала только с теми, кто мне нравился, – Марья сказала это гордо.

– Первый встречный тоже может нравиться.

– Нет, не может. Вот я пересплю с кем-то, а он окажется мудаком. И что мне делать? Корить себя всю жизнь? Спустя десять лет перед сном внезапно вспоминать тот случай, когда я дала мудаку?

– Прелесть одноразового секса как раз в том, что ты не должна разбираться в его внутреннем мире.

– А что я от такого получу? Зачем это?

– Ты не заболталась? Давай-ка, – Армен задумался и с некоторым опасением посмотрел на гантели, – сто выпадов.

– А ты объясняй.

– Понимаешь, секс – это не всегда часть отношений и привязанности, иногда это просто приключение. Когда ты идёшь с подругами в боулинг, это совершенно не значит, что ты будешь постоянно думать о кеглях и сначала узнаешь, не тварь ли шар, которым ты будешь их сбивать. Ты просто приходишь – пользуешься, – следующее словосочетание Армен промурлыкал – получаешь удовольствие – и уходишь. Довольная.

– Кегли и шар для боулинга – неодушевлённые, – Марья кряхтела в выпадах, – а человек – любой, даже такой отвратительный как ты – живой, у него тоже есть чувства, эмоции и какие-то качества. По устройству он чуть сложнее, чем кегля.

– Сразу на пресс в кранч переходи, потом планка на три минуты, – Армен добросовестно работал и тренером, и психологом, – хорошо, предположим, тебе надо, чтобы тебе сек-

суальный объект «нравился». Неужели тебе никто не нравится?

– Нравится! Я же десять минут назад сказала!

– Блин, упустил. Так это же здорово! Переспи с ним.

– Да что же это такое! Ты о чём-то можешь думать помимо секса?

– Марья, мы секс обсуждаем!

– Я не могу просто переспать с человеком, с которым познакомилась вчера!

– Не понимаю тебя: то тебе для секса надо, чтобы тебе кто-то нравился, то ты не можешь переспать с кем-то, кто тебе нравится, что за бред?

– Во-первых, я не уверена, что нравлюсь ему.

– Ты? Нравишься.

– Откуда ты знаешь-то!

– Ты не можешь не нравиться, ну посмотри на себя, я пять лет этот шедевр создаю.

– Какой эгоистичный человек! Я вообще тоже участвовала.

– Только под моим кнутом.

– Ну хорошо, предположим, я нравлюсь. Хотя я совершенно не уверена в этом. Но тогда он же должен что-то сделать.

– Замуж позвать?

– Да хоть сообщение написать!

– Приседай с касанием пола, – Марья начала выполнять, –

ниже можно? Не нагибайся, а приседай... ага, вот так. Нам нужна красивая жопа, нам же мальчик нравится.

– В любом случае: у него есть мой номер, он мне не писал, я ему не нравлюсь, всё просто.

Армен внимательно посмотрел на Марию без тени иронии.

– Ты вроде умная баба, но реально долбанутая.

– Почему?

– Идиотка, вы вчера познакомились, это ты с 7:30 утра в зале, нормальная Москва в это время недавно спать легла.

Марья вновь себя почувствовала душой. Она так давно не завязывала новых отношений, что совсем забыла, как это происходит. Почему-то казалось совершенно логичным, что, если бы она понравилась Романову, он бы немедленно что-то предпринял, а к середине следующего дня они бы объявили себя парой и заселились в домик. Возможно, стоило пересмотреть саму концепцию начала отношений. А, стоп. Марья упустила одну незначительную деталь. Фотограф вообще-то мог сам быть в отношениях. Или вообще женат. Или гей. Или мог некрасиво есть. Или иметь интеллектуальный багаж как портфель второклассника. И вообще ещё несколько часов назад ей категорически не нужен был никакой роман. Девушка поняла, что она запуталась, более того, сама же загнала себя в ловушку с огромным количеством неизвестных. Кажется, она разучилась заводить отношения.

Самым правильным решением было отпустить ситуацию,

ведь за этими мыслями она совершенно не заметила, как день перекатился за обед, а все действия она выполняла на автомате, словно робот.

«Варвара, ты у нас самая мудрая...», – она аккуратно написала интригующее сообщение подруге.

«Какое чистосердечное признание в середине дня!» – Варвара была настроена игриво.

«Я хочу с тобой посоветоваться по одному вопросу, может по бокалу после работы?»

«Милая, если тебе нужен совет, который ещё и сочетается с выпивкой, я готова выезжать».

«В семь в „Еве“?»

«Давай, а какая сфера хоть? Мне надо подготовиться».

«На месте расскажу. До встречи», – Марья решила для себя, что сделала хоть какой-то шаг на пути из лабиринта, поэтому оставшуюся часть рабочего дня смогла провести в относительном спокойствии.

Ровно в семь она вошла в двери любимого ресторана. Дизайнер часто назначала там встречи с клиентами, чтобы натолкнуть их на правильные идеи о том, как должен выглядеть красивый интерьер. На месте её встретили как родную, Варвара ожидаемо опаздывала, так что Марья могла немного поболтать с владельцем – известным московским ресторанным гуру Сашей Сысоевым. К моменту, когда подруга наконец-то соизволила почтить её своим присутствием, Марья

уже всё знала про новинки гастрономического мира города.

Минут сорок они трещали о каких-то незначительных вещах, смеялись и не думали ограничиваться «бокалом». Пока Варвара Премудрая не посмотрела на Марию с прищуром, спросив:

– Тебе, кажется, совет был нужен?

Марье было так хорошо в компании подруги, а сама она так смущалась темы, по которой хотела посоветоваться, что старалась отодвинуть момент своего признания. Но Варвару для этого диалога она выбрала неслучайно. У той была уникальная проницательность, поэтому пришлось выкладывать все свои переживания относительно очевидной лёгкой влюблённости в фотографа Романова. Уж слишком много времени он занимал в её мыслях и экранном времени соцсетей.

– ...Я даже не знаю, как мне привлечь его внимание, ну, понимаешь, как это у тёлок принято. Показать, что я открыта к коммуникации, – Мария грустно завершила свой рассказ.

– Так, он на тебя в ответ не подписался в инсте?

– А я сама его не зафолловила, просто подсматриваю иногда.

– Ага, и как часто? – у Варвары была отличительная мимическая черта: она поднимала одну бровь и пристально смотрела на визави, пока тот не признается в страшном.

– Ну... – Мария понимала, что она не на собеседовании, поэтому врать не стоило, – раз семь за сегодняшний день

примерно.

– Но не подписалась? – Марья бодро закачала головой. – Почему?

– Так он же сам должен сделать первый шаг?

Василиса так сильно подняла брови, что они даже нашли, за какие морщинки запутаться на её аккуратно обколотом ботоксом лбу.

– Марья, я тебя очень люблю. Какой на хрен первый шаг?

– Ну вот если я ему понравилась, и он настроен на что-то...

Варвара взвыла.

– Ты из какого века?

– А что не так?

– Марья, тебе нравится Романов?

– Да, – она опустила глаза, понимая, что ей словно опять шестнадцать, и она не понимает ничего.

– Так дай ему об этом знать! – Варвара энергично жестикулировала и танцевала плечами. – Хотя в инсте подпишись!

Это было так глупо и так просто. Открыть соцсеть, нажать на @ Романова в последних просмотренных и «тыкнуть» в кнопку «подписаться». Через несколько секунд фотограф подписался на неё в ответ. И пока Марья (почему-то поражённая) показывала уведомление подруге, он ещё и сообщение прислал:

«Я уже и надеяться перестал».

– Какой же он хам!

– Почему? – Варвара хохотала.

– В смысле он «надеялся»? – пальцами Марья показала кавычки.

– Ох, – Варвара закатила глаза и цокнула языком, – милая моя девочка...

– Мы почти ровесницы.

– Ты ведёшь себя как ребёнок, поэтому не придирайся и слушай мудрую тётю.

Марья послушно и растерянно кивнула.

– Вот ты нудишь про какой-то «первый шаг». Но наш мир изменился с твоих последних отношений. Это Дима там что-то доказывал, потому что он мудака...

– Почему я весь день должна слушать про Диму? Сначала тренер, теперь ты!

– Потому что Дима мудака. Но не суть. Русские люди выучили слово «харассмент», теперь представители относительно продвинутого общества – коим является Романов, – вынуждены ждать от женщины какого-то невербального «разрешения», чтобы перейти в наступление. Ты подписалась, а он этого и ждал. Фактически наши бабские ухаживания теперь требуют плюс одного шага. Теперь ответим Романову?

Дальше девочки занимались своей любимой игрой в смс-шахматы. Марья делала вид, что особо не заинтересована, но в целом может пофлиртовать (каждое такое сообщение вы-

верялось по знакам), Романов сыпал сдержанными текстами с полунамёком, которые она считала комплиментами (как и было задумано автором). Спустя два часа и две бутылки вина он прислал сообщение, приглашающее её посмотреть фотографии из его коллекции. Пьяненькие девчонки визжали от восторга. Договорились на через два дня, хотя хотелось на через две минуты.

Сутки и ещё одни прошли как в дурмане. Это была бесконечная прелюдия перед её встречей с Романовым. Она никогда раньше не думала, что надеть, так тщательно. Не читала новости мира глянцевої фотографии так подробно. Не задумывалась всерьёз, а не сходить ли ей в салон красоты перед этой типа деловой встречей. Для неё точно не было привычным восемь минут выбирать перед деловой встречей комплект белья, но в голове звучало «а если...». Марья лупила себя по щекам, чтобы проснуться от этого пьянящего состояния. Вместо пробуждения она замечала, как от шлепков щёчки стали румяными. От шлепков... В этом определённо была заслуга болтовни Армена: теперь она всё время думала о сексе. Иногда здравомыслящая часть её мозга просыпалась и говорила: «Какой к чёрту секс, вы не знакомы толком», а потом нездоровый мозг рисовал безумные картинки, в которых фигурировали она и фотограф Романов.

Неожиданные изменения ждали и её соцсети. В Инстаграме внезапно начали появляться красивые сториз с му-

зыкальными плеейлистами, интересными интерьерными (как бы профессиональными) решениями, фотографии удивительной архитектуры и даже селфи с острыми ключицами, которые её аудитория не видела ранее никогда. Усилия были вознаграждены реакциями Александра, который исправно комментировал избранные из них. В ход шли огонёчки или короткие одобрителные тексты. Всё это придавало уверенности. Кроме того, у неё было чувство, словно все его сториз были предназначены только для неё. Она тоже их комментировала, но... бред же?

И вот настал день, к которому Марья стремилась, как ей казалось, последние два дня. Но сама она находилась в таком состоянии, словно она ждала этого все свои двадцать девять.

Она приехала чуть раньше положенного, но где-то слышала, что женщине стоит опоздать, поэтому попросила водителя такси просидеть с ней в машине лишние двадцать пять минут. Спустя это время на трясущихся ногах она зашла в ресторан «Жажда крови» на Белой площади (название смешило её с самого начала, как только она получила сообщение от Романова, так как оно вызывало слишком много метафор), моментально нашла глазами *его* и чуть было не поплыла. Он был точно такой же, как при первой встрече. Улыбался во все зубы и сверкал глазами. Кажется, он даже не прикладывал для этого никаких усилий. Ну вот просто: лицо – морской пейзаж. Однако был в рубашке! Готовился, что ли?

Марья безумно боялась, что, они сейчас сядут за стол, и весь флёр испарится. Будут жевать, мычать, смотреть время на айфонах в ожидании, когда эта нудная встреча закончится. Но вместо этого они проболтали три часа. Три часа смеха, взаимопонимания, интереса и смущённых улыбок Марьи. Оказалось, он тоже изучил её и вовремя вворачивал какие-то слова, понятные только ей. На секунду ей показалось, что они говорят на инопланетном языке, известном только им двоим. Она думала, может это всё вино? У неё ни в чём не было уверенности, кроме того, что она безумно хочет взять его за руку, нет! Чтобы он взял её за руку. Мозг настолько сфокусировался на этом желании, что неконтролируемо заставлял её совершать какие-то встречные действия, но контакта так и не происходило. Марье было так хорошо рядом с Александром, что она уже даже задумалась о том, что, чёрт с ним, эти отношения, этот секс, она хотела дружить с ним навсегда. Наверное, в такой ситуации без секса даже лучше?

И в этот момент Романов внезапно напомнил ей о том, что она вообще-то хотела посмотреть фотографии. Это был совершенный провал. Всё, что уже казалось ей свиданием, превратилось всё-таки в банальную рабочую встречу, где контрагенты просто хотели получше узнать друг друга. Марья эмоционально закивала, Александр попросил счёт, галантно отодвинул её стул и пригласил проследовать за ним. Они брели в студию в буквально соседнем подъезде на Лесной, и в принципе Марья даже радовалась, что они подру-

жились.

– Только не пугайся, это моя студия-слеш-квартира, знаешь, хотелось максимально сократить расстояние от дома до офиса, – он засмеялся, а у Марьи открылись глаза. То есть, так может выйти, что они всё-таки не коллеги, а... нечто большее?

В «студии-слеш-квартире» было две комнаты. В одной из них – просторный офис с натянутыми фонами, светом, огромным рабочим столом с двумя большими «маками» и как бы гостевая зона – диван, телевизор с чудовищно-необъятной диагональю и журнальный столик с фотокнигами владельца жилища. Вторая комната была плотно скрыта дверью от посторонних глаз. Была в этом какая-то тайна.

Романов открыл для гостьи бутылку достаточно небюджетного шампанского и принялся рассказывать про свои фотографии. Мозг Марьи пытался просочиться под щель двери, скрывающей секреты хозяина. Они сидели на диване, болтали обо всём на свете, а он показывал ей свои лучшие фотографии. Насколько же он был талантлив. Она отпускала комментарии, рассказывала, что именно ей нравится в каждом кадре (она как бы тоже историю искусств не просто так пять лет изучала в университете), а он её как-то очень мило благодарил.

Спустя ещё примерно час и бутылку шампанского Марья очень эмоционально отзывалась об очередной работе автора:

– Эти краски! Я не понимаю, как их можно было смешать

в одном кадре так, чтобы они не выглядели пошло! Это очень красиво.

– Ты знаешь, что ты очень красивая? – разговор одной фразой поменял направление.

– Мне говорили, – она слишком смутилась.

– Я хочу, чтобы ты это услышала от меня, – его слова звучали естественно и легко.

А её сердце в этот момент билось чаще. Она понимала, что вот сейчас ей нужно какое-то физическое подтверждение его слов. Ещё одно прикосновение, он же раньше так легко её трогал. Но теперь они были одни, наедине, а он зачем-то аккуратничал. Надо было что-то сказать, но слова не подбирались, и тогда она повернулась к нему лицом в надежде, что текст сам появится в голове. А он без предупреждения впился своими губами в её. И дальше всё было так понятно! Она обвила руками его шею, зарываясь пальцами в кудрявые волосы, они целовались так, словно впивались друг в друга, поглощали (жутковато звучит, но как есть), сливались в единое целое губами. Это длилось какое-то продолжительное время, пока Романов не сказал:

– Может, мы пойдём в спальню?

– Саша, я хочу с тобой дружить сто тысяч лет, поэтому, если мы сейчас... – она буквально задыхалась от страсти...

– Если ты не хочешь, ничего не будет, – он снова её поцеловал и провёл кончиками пальцев по бедру.

– Хочу тебя, – Марья сдалась не столько Романову, сколь-

ко самой себе. Два раза повторять не было нужды.

Уже утром в своей квартире Марья неспешно пила кофе и блаженно посмеивалась. Кто бы мог подумать, что с этим человеком со светящимся лицом пройдёт лучшая ночь в её жизни. Она перестала себе врать. «Мальчик» ей не нравился, она была по уши влюблена. И этот факт безумно её пугал. Бабочки порхали в животе, в голове, по остальным частям тела энергично передвигались мурашки. Последний раз такое состояние у неё было замечено по факту влюблённости в бывшего.

Но разница между Димой и Романовым была колоссальной: от первого постоянно исходило ощущение опасности, с ним нужно было подбирать слова, тревожиться, если он пропадал из диалога, постоянно доказывать, что она «достойна» (хотя, простите, чего?), поддерживать, верить. В какой-то момент их отношений с Димой Марья буквально винила себя за все его поражения, считая, что это просто она недостаточно его вдохновила. Выражение «правильная женщина может сделать мужчину миллионером» было у неё записано в девиз жизни. Исходя из этого, если Дима не становился миллионером, виновата была она. Это она казалась себе неправильной. А по факту, конечно, просто Дима был эгоистичным, ленивым придурком.

Александр был лёгким в общении, с ним не требовалось быть каждый день веселее, умнее и красивее, он просто хотел, чтобы она была рядом.

Он уже добился невероятных вершин без чьей-либо помощи и «поддержки». Он просто хотел её во всех смыслах этого выражения. И это было какое-то совершенно новое чувство. В кои-то веки ей ничего не нужно было доказывать. Марья даже внезапно, как пишут просветлённые из Инстаграма, поймала инсайт: вообще-то ей не нравились плохие мальчики. Ей нравились хорошие. Такие как Романов.

В подтверждение этих мыслей телефон одобрительно провибрировал.

«Ты невероятная».

Марья улыбнулась так, что у неё захрустели уши.

Следующие дни были полны на эмоции: бесконечные переписки, вечерние прогулки, нежные прикосновения и крышесносный секс. Однако одна мысль тревожила Марью. В её представлении уже был заведён обратный отсчёт, она постоянно ждала какой-то подставы, она постоянно ждала, что это всё закончится через три... два... один...

Спустя неделю Марья набралась смелости.

– Саша, я должна признаться тебе, – он кивнул, – мне кажется, у меня есть некоторая психологическая проблема, – Романов слушал внимательно, – я вроде одновременно ощущаю себя красивой, сексуальной, весёлой, интересной, умной, смешной уписаться, классной и так далее, но мне кажется, что другие люди меня такой не видят. Что я для них какая-то просто баба стрёмная.

– Марья, – он обнимал её, – мне с тобой так хорошо.

– Как мне кажется, это пока. А потом тебе надоест быть в новых отношениях, мои истории окажутся скучными, захочется личного пространства, надоест секс...

– С тобой?

– Ты ещё с кем-то спишь? – Марья картинно удивилась.

– Дурочка, – Романов её поцеловал, – я вообще до тебя думал, что секс немного переоценен.

– Это как?

– Ну, как тебе сказать, иногда секс требует очень много отдачи при неравных трудозатратах.

– Объясни-ка, – становилось интересно.

– Ты точно хочешь в это погружаться? – он сомневался, продолжать ли.

– Естественно!

– Я встречал очень немного женщин, которые могут по-настоящему получать удовольствие...

– Странно. С тобой это несложно, – Марья непроизвольно улыбнулась.

– Я не про это. Некоторые девушки воспринимают секс как повинность.

– Я правда не понимаю.

– Знаешь, «чтобы причёска не помялась». Они совершенно не заинтересованы в процессе, как бы это правильно сказать... – Романов подбирал слова, чтобы никого не обидеть, и это было безумно мило, – у них в голове столько комплексов и переживаний на свой счёт, что они не могут отдаться

процессу.

– Комплексов? Знаешь, мне кажется, в тот момент, когда вы уже наедине и голые, некоторые вещи становятся немного важнее того, как ты выглядишь. Ни разу ни одна моя подруга не сказала, что с ней кто-то отказался спать из-за целлюлита или небритых ног.

– Да, ты абсолютно права, кстати, ты когда последний раз ноги брила?

– Александр Романов, как низко, я сейчас начну комплексовать и не дам вам!

– Мы на «вы» перешли? – он опять ржал.

– Скажи, звучит? – Марья снова кокетливо подставила шею под поцелуи, которые немедленно посыпались на неё, – подожди, подожди, объясни сначала.

– А ты же сама всё сказала. Многие воспринимают секс как власть, элемент давления, повинность. Знаешь это «я ему дала»?

– Фу, какая гадость!

– А сколько женщин так живут, совершенно не понимая себя, своё тело, считая, что она сейчас «потерпит», а потом выйдет замуж.

– Их не может быть много...

– Их *есть* много.

– Чушь какая. У меня семь лучших подруг, с которыми мы знаем все аспекты жизни друг друга, но ни одна из нас ни разу не занималась сексом без желания.

- Это потому что ты выбираешь подруг под стать себе.
 - Типа?
 - Умных.
 - Всё?
 - Красивых.
 - Ещё что-то?
 - Страстных?
 - Да.
 - Я не могу сказать «сексуальных».
 - Почему?!
 - Чтобы ты потом смотрела на то, как я разговариваю с твоими подругами и думала, что я нахожу их сексуальными?!
 - Какой же ты расчётливый, скользкий тип!
 - Я просто *тебя* хочу.
 - Оправдан по всем статьям! – снова целовались. – Но опять подожди, – Романов закатил глаза, – а как же ты жил со всеми этими трудозатратами?
 - Ой, Марья, а как же ты жила полтора года без секса?
 - У меня есть вуманайзер...
- Романов заржал.
- А у меня есть правая рука.
 - А можно посмотреть? – Марья закусила губу.
 - Иди сюда, я покажу вариацию...

Несколько следующих недель они болтались между его

студией и её квартирой, «обратный отсчёт» тикал настолько медленно, что вообще, казалось, замер. Даже его командировка на съёмки в Петербург не виделась ей чем-то обидным. Марья решила, что у неё появится немного времени «для себя», но, вопреки этому убеждению, её досуг состоял из бесконечных переписок, селфи и фейстаймов. И она никогда не была более счастлива подобному нарушению собственных границ. Пока Саша не пропал.

Она понимала, что её бойфренд (спустя полтора месяца его точно можно было так назвать) занят на очень интенсивных съёмках глянцевого обложки «на локации», но от него не было ни строчки уже сутки, а она решила не проявлять женскую истерию, поэтому просто кружила над телефоном как коршун, забыв про сон, еду и почти про работу.

«Ты только не переживай, я в больнице», – Марья на несколько секунд забыла, как дышать.

«ЧТО?» – умнее слов не подобралось.

«Всё хорошо» – текст сопровождался убедительным селфи с больничной койки, на котором светящееся лицо Романова соседствовало с поднятым вверх большим пальцем.

«Наберу?» – она безумно переживала и хотела знать все подробности того, что случилось с человеком, по которому она сходила с ума.

«Не могу сейчас, чуть позже расскажу», – выглядело сухо, но он же был в больнице, там, должно быть, свои какие-то правила.

«Отдыхай, – её сердце почти остановилось от страха, – я переживаю».

Ответа не последовало. Ни сразу, ни в тот вечер, ни через сутки. Она молчаливо ждала, порывалась что-то написать пару раз, смотрела билеты в Питер, думая, насколько это вообще адекватно, передумывала и снова проверяла, не обокрал ли Телеграм её на одно самое важное сообщение. По прошествии суток она буквально сошла с ума и потеряла покой.

Марья много думала. В мыслях был только он. Что могло произойти? Что изменило его отношение к ней? Почему он не может написать? Что... Как... Она уже не могла соображать, поэтому, вернувшись домой после работы, выбрала в холодильнике бутылку «Матуа», у которого отвинчивалась крышка, чтобы танцев со штопором не требовалось, и выпила половину бутылки из горла почти залпом. Она слушала The National и их альбом *Trouble will find me*. Мэтт Бернингер пел про «то место, где всё поскользнулось». Марья же чувствовала, что её таймер запутался в часах, а теперь начал убывать со скоростью света. Она ещё не знала, почему, всё так произошло, но уже знала, что это конец. Поняв, осознав это, она горько зарыдала. Она опять поверила, доверилась, не стала ждать, а прыгнула в свои чувства так, словно в них не было лимита. Она опять совершила всё ту же ошибку, на которой не может научиться, наступила на любимые грабли.

Облажалась.

Романов оказался обычным мудаком, который, как всегда, сбежал от её сильных чувств, как только осознал их глубину. Допивая бутылку вина и изрядно опьянев, Марья строго решила больше не вести переговоров с предателем, отправила его в мьют, затем в архив. Она же не дуручка, чтобы блокировать.

Прошло три дня, как она решила быть стойкой. Её ломало словно героинового наркомана, она ни с кем не говорила лично, пассивно-агрессивно отвечала на письма и хамила по телефону, её разбитое сердце звучало громче, чем она сама. Пока в дверь не постучали.

Ожидая очередного курьера с чертежами, Марья злобно открыла дверь. Это был не курьер.

– Зачем приехал? – злость, обида и то самое разбитое сердце заставляли её голос звучать как сталь.

– Мне моя девушка три дня не отвечает.

– Передай ей привет, сочувствую.

– Она слишком упёртая, чтобы со мной говорить.

– Не могу тебе помочь, я не эксперт в отношениях.

– Марья, ты нормальная? – он категорически не понимал, что происходит.

– Я? Самая, – на этих словах она гордо и высоко подняла подбородок.

– Моя девушка – ты, – а вот эта часть казалась уверенной

и убедительной.

– Не может такого быть, тебе на меня насрать.

– Выводы сделала из чего? – он выглядел уставшим, что бесило её ещё больше. То есть – а зачем тогда приехал-то?

– У тебя даже не хватило смелости мне ответить, что я больше не интересую тебя, – её голос срывался. Опять. Как полтора года назад в похожем диалоге.

– Да ну почему же?! – Романов тоже начинал злиться от своего непонимания.

– Потому что, Саша, я всё чувствую!

– Вот мне повезло!

– Я не подарок.

– Нет, ты дура.

– Если ты пришёл меня оскорблять, ты в этой квартире даже не первый, – её мучали флешбэки, уже было невыносимо.

– Дура, я тебя люблю.

На секунду она остолбенела от внезапности этих слов. Она безусловно его любила, но последний раз, когда эта фраза вылетела в отношении Марьи, звучала она как унижение, оскорбление, манипуляция. Так хотелось её услышать от Александра, но не в этой идиотской ситуации. И не в момент, когда она решила, что между ними уже ничего не выйдет.

– Тогда почему ты мне ничего не писал, – она выдохнула и собралась.

– Сообщения ты вообще проверяла?

– Нет, конечно! Ты не пишешь, значит, ты меня игнорируешь, зачем мне слушать ложь?

– А ты посмотри...

Марья недовольно и с лёгким внутренним укором открыла чат из архива. Непрочитанными значились пятьдесят восемь сообщений. В них Романов рассказывал, как на съёмках на него упал осветительный прибор, чудом фотографу удалось увернуться, но его задел кусочек. Он не хотел об этом рассказывать, пока не придут результаты всех его анализов, рентгенов и МРТ, кроме того, от стресса хотелось спать. И теперь он стоял здесь, в её квартире после того, как она вела себя как идиотка трое суток.

Марья бросилась ему на шею, долго извинялась среди многочисленных поцелуев.

– Саша, я хотела тебя кое о чем спросить.

– У тебя ещё есть какие-то сомнения? – он недоверчиво хмурился.

– Больше никаких. Возьмёшь ключи от квартиры?

Романов сдержанно усмехнулся, она снова почувствовала неладное.

– Я как раз хотел тебе отдать ключи от своей, любимая.

– Любимая – это типа я? – она глупо изучала рисунок своего красивого паркета.

– Любимая дура, да. Ты.

Василиса. Блин, Марья, ну ты даёшь, конечно.

Варвара. Это они только со стороны так выглядят, как будто встретились – и уже не могли отлепиться друг от друга. Я-то все подробности знаю, поэтому до сих пор удивляюсь, как он её сразу не послал.

Марья. Девочки, я сама удивляюсь. Так, а что у нас на баре? Рассказчик утомился.

Ольга. Давай, налью тебе. Но, кстати, я прекрасно тебя понимаю.

Айзель. Ты-то почему? У тебя всю жизнь один мужик.

Ольга (*передавая бокал*). Потому что, когда мы с Виктором снова сходились, я тоже постоянно искала подвоха.

Люба. Но ты-то прыгала в отношения с одним и тем же человеком, а тут совершенно разные персонажи.

Ольга. Любовь моя, это всё ПТСР. И когда тебе разбивают сердце, когда это сделано жестоко и «с особым цинизмом», потом на «воду дуешь».

Айзель. О! Первая поговорка за вечер.

Ольга. Не поняла.

Варвара (*хитро глядя на Айзель*). Мы тебе потом объясним, продолжай.

Ольга. Так вот, посттравматическое стрессовое расстройство. Когда доводишь уже себя до такого состояния, что реагируешь абсолютно на всё, как будто тебя разводят и пытаются кинуть.

Катерина. Мне, кстати, повезло, у меня не было таких

уж прям садистских отношений. Стив, конечно, мудака полнейший.

Ольга. И я снова напоминаю, что мы не рассказываем истории просто так.

Тамара. Ну давайте играть уже тогда!

Марья. Да подожди, мне интересно ещё Ольгу послушать.

Ольга. Короче, я тебя вообще прекрасно понимаю. Мне бы тоже было страшно. Особенно после Димы твоего. Кошмар.

Марья. Хорошо, что Саша совсем другой. Нормальный.

Василиса. Нормальный?

Марья (*со смущённой улыбкой*). Вообще-то самый лучший для меня. Я себя чувствую с ним счастливой.

Варвара. И ты совершенно заслужила это. И такое отношение к себе.

Айзель. Мне ещё очень нравится, как вы постоянно устраиваете коллаборации, это так отвратительно-мило.

Елизавета. Фотоистория «Интерьер в деталях» – это нечто. Я, конечно, пристрастна, потому что там использовались мои картины. Но это поразительно, как вы одинаково видите каждый элемент в пространстве.

Марья. Ну да, да, мне очень повезло! Ничего не могу сказать.

Варвара. Надеюсь, все истории дальше будут в таком же духе. Люба (*поднимая бокал*), классная идея.

Люба (*шёпотом*). Спасибо, родная. (*Ко всем.*) Играем дальше дамы?

Все. Да, да, играем!

Раскладывают карты. В напряжённой битве «в дураках» остаётся Айзель.

Катерина. Я же говорила, теперь ты не такая везучая в картах.

Айзель. Знаете, я могла бы вам тоже рассказать историю о том, как у меня завёлся любимый мужчина...

Тамара. Давай!

Марья. Тоже «За»!

Айзель. Но нет. Я лучше поведаю, как я пришла к тому, что оказалась в состоянии завести нормальные, зрелые отношения.

Варвара. Вот люблю тебя. Так точно лучше.

Айзель. Ещё бы ты не радовалась, у тебя в этой истории роль катализатора.

Марья (*со смехом*). Да ты наша Фея-крёстная буквально!

Айзель. Итак...

Шесть сеансов

*Someone call the ambulance
There's gonna be an accident.*

01. Март

– Добрый день, Юлия. Меня зовут Айзель.

– Очень приятно, Айзель.

– Я, честно говоря, не знаю, как это всё работает, поэтому давайте я буду исходить из своего представления?

– Хорошо, конечно.

– Мне вас посоветовала подруга, Варвара, она с вами как-то пересекалась на конференции какой-то, говорит, вы её поразили.

– Варвара Муромова? Да, было такое. Очень интересная женщина.

– В психологическом смысле, я надеюсь?

– Даже если бы это было так, я бы не смогла с вами поделиться – профессиональная этика, – Юлия мягко улыбнулась.

– Я понимаю. Просто я нервничаю и пыталась пошутить.

– Это мне тоже ясно. С чем вы пришли ко мне, Айзель?

– Честно говоря, мне трудно так сразу ответить. Все утверждают, что психотерапия «улучшает качество жизни». Наверное, этого я и хочу.

– Очень здорово, что вы это понимаете.

– Я давно думала пойти в голове копать, но как-то не решалась. А сейчас вроде настал такой момент. Знаете, меня беспокоит, что я чувствую себя слишком умной.

– Так себе повод для беспокойства, – Юлия пожала плечами, – это же хорошо?

– Хорошо быть умной. Но я как будто постоянно замечаю какие-то пробелы в эрудиции у других, меня это бесит.

– Вы требовательны к окружающим?

– Не особенно. Только в вопросах образования и эрудиции. Вот, например, как может современный человек около тридцати лет от роду совсем не знать английского? Мы же все в школе учили: Лондон из зэ кэпитал оф Грэйт Британ. И знаете, я всегда как будто хуже начинаю относиться к человеку, если он говорит, что «по-иностранному не умеет». Ладно, в детстве ты – можно матом?

– Конечно, как вам комфортнее.

– В детстве ты долбо*бом был и школу прогуливал, а сейчас по заграницам катаешься, а объясниться не можешь в отеле по-человечески. Но потом я начинаю думать, что это всё снобизм, и мне становится стыдно.

– Почему вы стыдитесь собственных эмоций?

– Ну, думать о других плохо – неправильно, меня так в детстве учили.

– Вы же не можете запретить себе испытывать дискомфорт.

– То есть это как бы нормально?

– Что именно?

– Ну что я думаю... что я ощущаю себя умнее многих других людей.

– Вы что-то делаете с этим ощущением?

– Типа занимаюсь ли я дискриминацией по интеллектуальному признаку?

– Ну да. Обзываетесь? Унижаете окружающих? Может, дерётесь с человеком из-за того, что он не знает, как сказать по-английски «лосось»?

– Salmon...

– Я не сомневалась, что вы знаете, – Юлия усмехнулась.

– Не делаю ничего такого, конечно, но у меня есть внутреннее ощущение, что я как бы принижаю других у себя в голове.

– У вас есть свои собственные интеллектуальные стандарты, и пока они не сказываются негативно на окружающих, они вполне имеют право на существование у вас в голове.

– А, нет... Я кое-что делаю... – Айзель стыдливо опустила взгляд.

– Так.

– Когда я знакоюсь с новым человеком и понимаю, что он мне нравится, и я хотела бы продолжить с ним общение, я покупаю связку своих любимых книг и заставляю их читать...

– А что в этом негативного?

– Ну я же навязываю им...

– Хорошую литературу? – Юлия подняла одну бровь.

– Может, она им не понравится.

– Зато вам будет о чём поговорить.

– Это эгоистично.

– Это ваши правила и личные границы. Внутри этих границ вам важно иметь возможность обсудить с человеком вашу любимую книгу.

– А что если я их обижаю таким образом?

– Они говорят вам, что вы их обижаете?

– Нет... Получается, я могу поступать так, как мне кажется правильным? И если человеку что-то не нравится, он об этом скажет, а если не скажет – это уже его проблема, выходит?

– Ну, похоже, что так. Зачем вы заранее думаете, какой будет реакция? И как вы отнесётесь, если вам скажут, что не надо так делать?

– Ну не надо и надо.

– Вас это не оскорбит?

– Нет, конечно.

– Тогда всё хорошо.

– Может и хорошо, но я не могу, например, нормально отношения строить с мужчинами.

– Расскажите подробнее.

– Дело в том, что, наверное, я придираюсь? Вот понравится, например, мне мужчина. Красивый, не бедствует, ухаживает, секс замечательный. Вас не смущает, что я про секс?

– Меня – нет. Интересно, что вы об этом спросили.

– Почему?

– Вас саму смущают разговоры о сексе?

– Наверное, это тоже что-то из воспитания?

– Мне нравится, как вы сами приходите к выводам, да, наверное.

– Так вот. Всё вроде хорошо, а потом я узнаю, что в его понимании Флобер – это какой-то десерт. А «Мастера и Маргариту» он не читал, потому что «там что-то слишком заумно». И всё. У меня больше на него «не стоит».

– Опять не понимаю, что вас расстраивает?

– Так я ж так со своим списком стандартов никогда мужика не найду!

– Айзель, – Юлия говорила доверительно и тихо, – это же здорово, что у вас есть стандарты. Вы бы хотели быть женщиной, которая бросается на первого встречного, лишь бы у неё «был мужик»?

– Наверное, нет. Но я вот иногда смотрю на знакомых. У одной лысый, у другой толстый, у третьей низкорослый, у четвёртой вообще имбецил какой-то, прости господи, – но они все счастливыми кажутся. А я нос ворочу от того, что кто-то там Бальзака не читал.

– Ну вот давайте представим. Вы бы закрыли глаза на необразованность мужчины. Как долго вы бы могли притворяться, что вам нормально? Изображать счастье?

– Внутри я бы бесилась. Но, а как же «стерпится-слюбит-

ся»?

– А если не стерпится и не слюбится? А у вас трое детей и ипотека. И тут-то вы понимаете, что больше невозможно это всё выносить.

– Как страшно вы описали. Но что же мне тогда делать?

– Я бы сказала, что нужно себя слушать. Может быть, вы встретите мужчину, с которым вам будет наплевать и на Флобера, и на Бальзака, и на Булгакова?

– Я что-то не очень в такое верю.

– Тогда давайте как-то по мере поступления проблемы решать?

– Давайте. В любом случае сейчас даже тени отношений нет на горизонте.

– Вас это печалит?

– Нет, совсем. Наслаждаюсь своим одиночеством.

– По-настоящему наслаждаетесь?

– У меня был очень тяжёлый последний роман. Завершился он не так давно, сейчас мне нужно время, чтобы от него отойти.

– Может, расскажете?

– Да что-то я пока не готова об этом говорить.

– Хорошо. Давить я на вас точно не буду. Почувствуете, что пора – расскажете.

– У меня ещё проблема одна есть. Я всегда мечтала написать книгу.

– И что вам мешает?

– Мне кажется, это никому не нужно. Вон сколько литературы хорошей, и её-то никто не читает. Зачем миру нужен ещё один писатель?

– Я думаю, что вопрос не так стоит. Зачем вам нужно быть писателем?

– Не знаю. Я много пишу, но в основном «в стол». Записываю, как я себя чувствую по разным поводам, наверное.

– Айзель, к сожалению, у нас на сегодня заканчивается время. Я предлагаю вам подумать об этом, а на следующем сеансе обсудим ваши мысли. У вас нет никаких вопросов? Вам комфортно со мной работать?

– Забавно, я даже забыла о том, что это наш с вами первый раз. И учитывая, какой пласт странной информации вам выдала за этот сеанс, видимо, я сразу вам начала доверять. Поэтому, конечно, будем продолжать. Как думаете, с какой периодичностью стоит встречаться?

– Если вам подойдёт, я бы предложила раз в неделю.

– Да, отлично, тогда до следующего понедельника?

– До встречи.

02. Май

– Я так устала, это кошмар какой-то.

– Что случилось?

– Сдавали номер, параллельно у мамы неприятности, там тоже пришлось решать. Что-то я приболела ещё. Сил ника-

ких нет, а всё равно надо бегать и всё контролировать.

– Айзель, а может, вы мне расскажете про то, что такое для вас контроль? У нас достаточно часто эта тема звучит во время сессий.

– Контроль? Хм. Мне, наверное, приходит в голову слово «Сила», если играть в ассоциации. «Власть» ещё. Хорошо сделанная работа.

– Как часто вы оказываетесь в ситуациях, когда всё контролируете?

– Ха! Да постоянно! Мне надо следить, чтобы никто в редакции не напортачил, потому что потом тогда мне переделывать.

– А если не переделывать?

– Тогда меня можно увольнять, потому что всё на работе к чертям собачьим полетит.

– А почему вас надо увольнять, если люди не делают свою работу?

– Потому что я за них в ответе! Это моя ответственность.

– Ладно. А с мамой что?

– Да у неё там какие-то проблемы с документами, а она не понимает, как с ними разобраться. Я поорала, конечно. Но всё сделала.

– И это тоже ваша ответственность?

– Это же моя мать.

– И вы всё за неё сделали?

– Конечно.

– Почему это для вас так естественно?

– Ну как. Она меня вырастила, воспитала, заботилась о том, чтобы у меня всё было. Чтобы я образование хорошее получила. Я обязана ей помогать.

– Обязаны?

– Ну да. Моё дочернее обязательство.

– Айзель, я сейчас одну вещь скажу. Родители обязаны вырастить своих детей. Это их долг. Но дети ничего не должны родителям.

– Это как? – Айзель отказывалась принимать эту мысль.

– А вот так. Нет долга ребёнка перед родителями.

– Я не могу согласиться.

– Почему?

– Потому что она мне столько всего дала, я должна вернуть.

– Вы сейчас говорите про женщину за пятьдесят лет, которая не в состоянии решить свою проблему?

– Это от вас так звучит...

– Как?

– Не знаю. Грубо.

– Вы не согласны?

– Глобально – наверное, согласна. Но это же моя мама.

– И что? Она перестаёт быть взрослой женщиной?

– Я же не могу её послать.

– Вы хотите ей помочь?

– Да.

– Это не долг, это ваше желание. Но услышьте меня, вы ничего не должны.

– Ужасно странные ощущения. Вы, конечно, правильно всё говорите. Но ведь нас же всех примерно одинаково воспитывали. «Уважай старших», «Помогай», и постоянно «должна, должна, должна».

– Ещё бы вы со мной согласились – вам это годами в голову вбивали, а я сейчас пришла и сказала, что это всё чушь.

– Давайте тогда я порассуждаю? Мне так проще всегда.

– Конечно.

– То есть, по сути, я не просила, чтобы меня рожали. Это было решение двух взрослых людей. И раз они обрекли меня на жизнь мирскую, выходит, они мне должны, условно, «всё дать». Правильно?

– Да.

– А почему я-то ничего не должна? Это же как – «Мама жизнь подарила»...

– Ну да. По собственному желанию. Услышьте меня. Я не говорю, что вы не можете ей помогать, но это не ваша ответственность. Помочь с документами – можно дать совет, можно нанять специального человека.

– Ну да, а не лететь через весь город и пробки самой с температурой, отпрашиваясь из буквально горящей редакции, чтобы решить эту проблему. Которая в принципе и подождать могла.

– А почему это так срочно надо было сделать?

– Понятия не имею. Мне сказали – я сделала, даже как-то не задумывалась о том, чтобы какие-то параллельные вопросы задавать. Да и не до того, если честно, было. Как робот – всё на автомате.

– Вы любите свою работу, Айзель?

– Вообще люблю. Но когда номер сдаётся. Это тяжело.

– Почему любимая работа становится для вас тяжёлой?

– Я не могу расслабиться. Постоянно думаю: утвердят ли текст? Пришлют ли вовремя иллюстрации, всё ли хорошо с обложкой, не пропустил ли чего корректор, правильно ли подписали всех... вообще всех! И это безумие.

– Но ведь в каждом пункте есть ответственные люди.

– Но я не могу им полностью доверять! А если что-то не так? Я всё-таки выпускающий редактор.

– Вы понимаете, что такой уровень тревоги мешает вам жить и нормально функционировать?

– Наверное, не знаю.

– Вы начали наш диалог с того, что вы ужасно устали и у вас нет сил.

– Да, вы правы. Мешает. Но я не знаю, что делать.

– А если попробовать оптимизировать процессы?

– Это же редакция, там всегда немного взрыв на макаронной фабрике происходит.

– А как функционируют другие редакции? Так везде?

– Может быть, я правда слишком много на себя беру?

– Это вы мне скажите, – Юлия усмехнулась.

- Надо что-то делать с этим. Я же даже не замечала, как на самом деле устала, пока мы с вами не поговорили об этом.
- Вам есть о чём подумать. На сегодня всё, к сожалению.
- Буду думать, спасибо.

03. Июль

- У меня была ужасно скучная неделя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.